

ИЗ ФРОНТОВОЙ ЖИЗНИ

О. КУРГАНОВ

Мать

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“

1942

МАТЬ

Никто не может припомнить, звали ли Александру Мартыновну в партизанский отряд. За оврагом, у палатки, все увидели эту уже немолодую женщину в ватной тужурке в больших сапогах и темной косынке. Как человек, привыкший с детских лет к непрерывному труду, она сразу спросила у командира отряда Семена Хлебутина, что делать. Он усмехнулся и ответил: «Будь хозяйкой нашей».

Александра Мартыновна засучила рукава тужурки, принесла из спадающего по камням ручья котел воды — и с той минуты вошла в привычный жизненный ритм: сушила в землянке над камельком сапоги партизанам, возвратившимся с разведки, помогала повару варить обед, чистила оружие, убирала в палатке. И днем и ночью трудилась Александра Мартыновна, и все в отряде стали для нее родными, близкими; она их в шутку называла «дети мои», хоть в лесу жили и пожилые люди. И ее они называли самым теплым словом — «мать».

Отряд уже действовал вторую неделю. Выпал снег; земля, затвердевшая и кочковатая, сравнялась, смолк птичий говор в лесу, но не стихали ни выстрелы, ни пулеметная дробь, отдаленная и сухая, как треск палки по частоколу. В отряд приносили немецкие автоматы, каски, шинели, патроны, — партизаны нападали на обозы, уничтожали фашистских карателей, бродивших по селам. Комиссар отряда Павел Фомин готовил людей к крупным операциям

Враг подтягивал танковые дивизии для нового наступления на Москву. Фомин решил взорвать мост на магистрали и задержать движение немецких колонн. Нужен был опытный разведчик, знавший все тропы и дорожки в лесу: не по просекам, а по густым зарослям следовало вынести мины к мосту. Тогда в поход попросилась Александра Мартыновна. Она ведь знает уваровские леса, как свой дом, как село Поречье, где она выросла. В лесах этих не ходила она целыми днями, собирая грибы или ягоды для помещика, лозу для корзин. Здесь, вблизи Уварова, вместе со своей матерью Александра Мартыновна батрачила у помещика, потом, после революции, училась в сельской школе. В последнее время была председателем Ерышовского сельского совета. Как же ей не знать все тропинки и тайные дорожки в уваровских лесах?

Ночью на магистрали был взорван мост, когда на нем находились танки и автомобили с пехотой. К утру вернулись в лес партизаны, усталые, шумливые, проголодавшиеся. Только Александра Мартыновна забилась в уголок в землянке, пролежала весь день под тулупом, вздрагивая от холода, бледная и задумчивая. Дважды к ней подходил комиссар отряда Павел Фомин. Но она куталась в тулуп и притворялась спящей. На рассвете она встала, согрела воду, убрала в палатке, надела ватную тужурку и простилась с партизанами.

— Не могу оставаться, — сказала она Фомину, — нет сил моих. А обузой быть не хочу. Горько мне, но ухожу...

Никто не знал истинных причин ее ухода. Лишь к вечеру повар поведал всем, что Александра Мартыновна ждет ребенка. Она все время ходила в тулупе, боясь, что, заметив, о ней станут заботиться. В разведке она три раза садилась отдыхать, а партизаны ее ждали. А разве время теперь с детьми в отряде возиться?

Повар умолк, и грохот взрывов напомнил о страшной битве, которая идет на полях, на дорогах, в ле-

сах. Но не могла заслонить эта битва такой обычный, но всегда многострадальный период в жизни женщины — рождение нового человека. Очередной разведке был дан наказ найти в городе Уварове Александру Мартыновну, окружить ее заботой, поберечь от врагов. Но найти ее уже не удалось, а неделю спустя в отряде узнали, что Александру Мартыновну, связанную, привезли в немецкую комендатуру, в большую каменную новую школу.

С той минуты отряд ничего не мог о ней узнать: она исчезла. Лишь на десятый день плотник Ефрем Цыганков, отец партизана, видел, как на рассвете два немецких солдата тащили по снегу чей-то окровавленный труп, и, когда бросали его под лед озера, Цыганков узнал Александру Мартыновну Дрейман.

Как попала она к немцам, через какие пытки прошла, что стало с ее новорожденным сыном? Никто об этом не знал в Уварове. И лишь теперь из рассказов местных жителей — Анны Минаевой, Анны Гусяковой, Евдокии Каленовой, Ефрема Цыганкова, — видевших, как вели и пытали Александру Мартыновну, из бесед с теми, кто сидел вместе с ней в сарае в типографском дворе и избежал казни, и, наконец, из допроса переводчика немецкого коменданта города Уварова Ильинского, который пойман нашими войсками, — лишь теперь мы можем восстановить мученический предсмертный путь матери-партизанки.

Она пришла в город ночью, поселилась в домике, где был врач. Он посоветовал лежать, не выходить на улицу. Александра Мартыновна подсчитала запас консервов и колбасы, который ей дали в отряде. Три дня она лежала, а на четвертый день в домик постучали. Александра Мартыновна выглянула в окно: у крыльца полукругом стояли немецкие солдаты. Она накинула теплый платок и открыла двери. Ворвался маленький толстый немец, ударил ее, она закачалась, но два солдата подхватили, связали руки и повели к каменному сарайчику на типографском дворе.

Там оказалось много знакомых. Они стояли. плот-

но прижавшись друг к другу: сидеть не разрешали, да и едва ли было это возможно в такой тесноте. Александра Мартыновна продвинулась к стенке; руки, завязанные за спиной, отекали, но она молчала. Ночью ее вызвали на допрос. Солдат привел ее к немецкому коменданту города Уварова капитану Хаазе. На допросе присутствовал переводчик Ильинский. Хаазе сказал:

— Сядьте!

Александра Мартыновна придвинулась к столу и спокойным голосом произнесла:

— Дайте мне родить... Мне осталось еще три дня... Потом убивайте!

Хаазе посмотрел на нее, рассмеялся, приказал солдатам раздеть ее. Она попыталась сопротивляться, но кто-то тяжелым кованым сапогом ударил ее, она упала. Александру Мартыновну подняли, но сесть не разрешили. Хаазе сказал:

— Во имя вашего ребенка скажите нам, где находится партизанский отряд? Мы знаем, что вы оттуда.

Она помолчала мгновение и ответила:

— Я ничего не знаю и ничего не скажу. Вам удалось меня словить, стало быть, мне суждено погибнуть. А про отряд я ничего не скажу, сколько ни пытайте.

Хаазе еще спросил: коммунистка ли она? Александра Мартыновна покачала головой, сказала:

— Я еще малосознательная...

Потом комендант предложил ей пройти по улицам города и указать дома, где живут ее знакомые. Она пойдет босая и нагая, только в платке, но чем больше она укажет домов, тем чаще она будет греться.

Два солдата вели ее по ночному городу, морозный ветер обжигал ее тело, она куталась в платок и шла молча. Ноги ее, босые и отекающие, ступали по утоптанному снегу. Под утро она вернулась к коменданту. Солдат доложил, что женщина не нашла ни одного знакомого дома. Ее погнали обратно в сарай. Вид ее заставил всех содрогнуться. Она посинела, при свете восходящего дня даже в этом полутемном

сарая можно было различить ее постаревшее и осунувшееся лицо. Она попыталась лечь на пальто, кем-то отданное ей, но немецкий солдат вывел всех из сарая, оставив только Александру Мартыновну. Ей же лежать не разрешил: стоять, только стоять!

Три дня пробыла она в этом сарае, одна, полуголая, без воды и пищи. Только один раз к ней тайком пришла колхозница Евдокия Каленова с куском хлеба и супом. Она постучала в стенку сарая и услышала глухой стон. Каленова заплакала. Ее поймали, отобрали хлеб и суп, избили.

Александру Мартыновну после этого вновь привели к коменданту. Она уже не могла двигаться от истощения и болей, тело ее раздулось от холода. Хаазе опять спросил:

— Где партизанский отряд? Это вы взорвали мост?

Александра Мартыновна посмотрела на коменданта долгим взглядом, словно соображая, о чем у нее допытываются. Потом сказала:

— Да, я — во всем я виновная...

Больше она ничего не произнесла, впала в беспамятство. Анна Гуслякова, которая проходила мимо комендатуры, услышала чьи-то крики. Приблизившись к окну, она увидела, как двое солдат били шомполами лежавшую Александру Мартыновну. В ту же ночь начались родовые схватки. Александру Мартыновну отвезли в сарай, бросили на холодные доски. Всю ночь в домах, прилегающих к типографскому двору, слышали крики и стоны женщины. Все знали — это Александра Мартыновна. Но под страхом смертной казни запрещалось подходить к двору. И никто не мог помочь ей. Она шла по своему многострадальному и мученическому пути голодная, истерзанная пытками и побоями, несла в себе нового человека и где-то в глубине своей души находила силы и все еще продолжала жить. Она родила сына, обмыла его снегом, пробившимся в щели сарая, и потеряла сознание.

Очнулась она в комендатуре. Ее одели в какой-то грязный халат. Хаазе сказал ей:

— Ваш сын будет жить только в том случае, если вы скажете, где отряд.

Александра Мартыновна поднялась, посмотрела на всех широко раскрытыми глазами и прошептала:

— Дитё пощадите... Он ни в чем не виновен...

Ее ударили штыком, она умолкла и вдруг закричала:

— Не залить вам кровью земли нашей! Погубите сына, у меня полный лес сыновей, весь отряд!

Ее вновь ударили, ноги ее подкосились. Хаазе принялся бить женщину сапогом. Но муки ее еще не окончились.

Алексадре Мартыновне предложили пойти в лес и указать хоть дорожку, ведущую к партизанам. Она поднялась, попросила сапоги и пальто. Двигаться она не могла, и ее усадили в сани. Ефрем Цыганков видел, как Александра Мартыновна повела немцев на восток, а отряд размещался к западу от города. К ночи она вернулась, вернее — ее провезли по улицам города, избитую и окровавленную. В комендатуре ей показали мертвого сына. Александру Мартыновна заплакала, впервые за все дни своих страданий.

Ее вывели на крыльцо школы, где помещалась комендатура. Там стояли люди. Их разгоняли. Александра Мартыновна вытерла слезы, будто они могли ее уличить в слабости, и произнесла скороговоркой, торопясь:

— Не склоняйте головы перед зверьем! Придет час нашей победы! Прощайте, родные мои!..

Ее толкнули прикладом; она соскользнула в снег, но опять поднялась, босая, измученная, посиневшая, распухшая, истерзанная палачами. И голос ее вновь возник в вечерней тьме:

— Матери, родные слышите ли вы меня? Я смерть принимаю из рук зверей, сына своего не пощадил, но правды своей не выдала. Слышите ли меня, матери?!

Немецкие солдаты всех разгоняли, а Александру Мартыновну затащили во двор, кололи штыками, би-

ли, снова кололи, пока она не рассталась с жизнью, как воин, как бессмертный герой земли советской.

И пока враг не будет разбит, все честные люди земли, все, в ком бьется материнское сердце, не забудут предсмертный клич Александры Мартыновны Дрейман. И никогда не смоеся в памяти народа образ матери, чья любовь к родине, к свободе, к земле своей оказалась сильнее всех ее материнских чувств.

Вечная, бессмертная слава ей!

Западный фронт.

А61498. Издательство «ПРАВДА». Цена 6 коп. Вак. 2339.

Подписано к печати 10/IX 1942 г.

Тираж 1 000 000

Типография газеты «Правда» имени Сталина.
Москва, ул. «Правды», 24